

Ю.А.Гиренко

ВЫБОРЫ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

(на примере Ростовской области)

Российская политическая система, которую нельзя с уверенностью отнести ни к какому из известных типов политических систем, содержит по крайней мере один демократический элемент – выборы. В то же время сам процесс избрания представительных органов и руководителей исполнительной власти далек от демократического идеала. Дело даже не в использовании так называемых черных технологий или фальсификациях. Такого рода методы применяются и в сложившихся демократиях, не меняя при этом общего характера системы. Речь идет о мотивах электорального поведения и целевых установках субъектов политического процесса. Участники выборов – по обе стороны избирательной урны – не осознают их в качестве механизма формирования власти.

Как ни парадоксально, но между статусом публичной политики и технологической составляющей выборов существует обратно пропорциональная зависимость. С 1989 г., когда в нашей стране прошли первые относительно свободные выборы, политика значительно профессионализировалась. И этот процесс был напрямую связан с утратой веры в то, что демократические выборы позволяют формировать власть, определять направление развития общества, контролировать государственный аппарат.

В современной политической литературе и журналистике электоральная история России обычно делится на три этапа. Для первого из них (1989–1993 гг.) характерны демократический романтизм и идеализированное представление о публичной политике. Что же касается избирательных технологий, то они практически не используются. 1993–1995 гг. – период смены романтизма прагматизмом, падения авторитета выборов и выборных структур. Тогда же происходят быстрое становление политического бизнеса, усвоение западного опыта применения избирательных технологий и выработка собственных традиций. С президентской кампании 1996 г. начинается современный этап, во многом напоминающий «позолоченный век» политической истории США, когда публичная политика сводилась к борьбе за «добычу» путем интриг и манипуляции общественным сознанием.

Крушение романтических иллюзий привело к массовому разочарованию в публичной политике. Одновременно у прагматически ориентированного меньшинства начало складываться приземленное и циничное отношение к выборам. Это меньшинство стало восприни-

мать политику как разновидность бизнеса, способного приносить значительные дивиденды. А ситуация массового разочарования подталкивала российских бизнесменов от политики к поиску все более изощренных методов достижения победы.

Тем не менее, даже сегодня эти методы не отличаются особой виртуозностью. В этом нет необходимости, поскольку российский избиратель, при всей его разочарованности и склонности рассматривать выборы преимущественно в качестве средства выражения протеста, легко поддается на манипуляции. Зачастую примитивное административное давление и грубый подкуп оказываются эффективнее самых сложных технологий. Впрочем, после выборов в Думу второго созыва «политический класс» России старается комбинировать оба подхода.

Сказанное отнюдь не свидетельствует о достижении российской политической системой состояния стабильности. Вот мнение одного из ведущих ростовских политиков М.В.Емельянова: «Политика стала особой сферой деятельности, охватывающей ряд профессий. Но она все еще далека от стадии зрелости. Это сказывается и в слабости партий, и в безответственности лидеров, и в засилии бюрократов в политике, и в малой значимости общественного мнения, и в регулярных вспышках насилия... Политика и политики в России продолжают взростеть – вместе со всем обществом. Мы, похоже, достигли самого сложного этапа в этом процессе – «переходного возраста»¹.

В то же время некий уровень «стабильной нестабильности» был достигнут. Избирательная система в России стала привычной, а выборы – рутинными. Эти привычность и рутинность впервые ясно проявились на президентских выборах 1996 г., когда при всей «судьбоносности» результата определяющую роль сыграли именно «технологические» и аппаратные методы. Таким образом, есть основания говорить о существовании в России более или менее устоявшихся политической системы, моделей электорального поведения и политических технологий, которые могут быть объектом исследования.

* * *

В наиболее чистом виде «недемократичная» (манипулятивная) сторона российского избирательного процесса проявляется на региональном уровне, где влияние идеологии и мифологии еще меньше, чем в центре. Так, в частности, в провинции очевиднее манипулятивная роль средств массовой информации и их подчиненность административной элите. Свобода слова чаще всего сохраняется там лишь «в сфере абстрактных общественных интересов», но отнюдь не «в сфере, затрагивающей интересы администрации или конкретных чиновников»².

Конечно, соотнося региональный опыт с общероссийским, надо иметь в виду значительную «дисперсию свойств» субъектов Федерации. За 8 постсоветских лет регионы значительно обособились политически, что позволило многим аналитикам говорить о становлении

¹ *Постижение политики, 1997: 3–4.*

² *Постижение политики, 1997: 105.*

³ Гельман, 1996.

региональных политических режимов³. Тем не менее, региональные власти в целом в большей степени тяготеют к авторитарным методам, чем федеральные. В.А.Рыжков даже высказал мнение о том, что в регионах формируются тоталитарные режимы, несмотря на сохранение внешне демократических процедур и институтов⁴.

⁴ Sapere Aude, 1996.

Заключение Рыжкова многими оспаривается как слишком категоричное. Более того, существует прямо противоположный взгляд. Так, ростовский регионалист В.С.Семенов, анализируя политический аспект процесса регионализации, утверждает: «Складывается неоднозначная ситуация, когда в регионах наблюдаются формальные признаки складывания авторитарной системы, однако на деле осуществляются демократические процессы... Исследователь переходных процессов Гильермо О'Доннел идентифицирует подобную систему как делегативную демократию»⁵. Не вдаваясь в дискуссию о том, какой вывод ближе к истине, отмечу: авторитарные и демократические тенденции развиваются в регионах параллельно, и это придает региональным выборам весьма причудливый облик.

⁵ Постижение политики, 1997: 95.

В Ростовской области противоречия провинциальной публичной политики проявляются в полном объеме. Как один из крупнейших субъектов Федерации, занимающий важное геополитическое и геоэкономическое положение, область непосредственно включена в общероссийскую политику, а потому полностью открыта всем политическим ветрам. Она не относится к этническим образованиям. И по экономическим, и по политическим показателям она находится в середине списка российских регионов. В ростовской элите нет чересчур ярких персон. Области вообще не свойственна какая-либо экзотика (не считая, разумеется, казачества – но этот феномен политического значения почти не имеет). Следовательно, можно говорить о достаточной типичности региона и показательности происходящих в нем процессов для всей российской провинции.

В то же время нельзя не отметить несколько специфических моментов, характерных исключительно для Ростовской области. Прежде всего, Ростовская область – южный регион со всем комплексом черт, присущих югу. В политическом смысле это означает, что ростовской политической элите свойственен особый стиль поведения, не дающий политическому процессу приобрести излишне напряженный характер. Автор этих строк назвал такой стиль «Дао по-ростовски»⁶. Лидеры донской элиты предпочитают играть на полутонах, избегать резких движений, «ждать и догонять». Как только кто-то из донских политиков начинает «излишне торопиться» и выходит за рамки общепринятого типа поведения, он становится персоной non grata и лишается всяких шансов на успех. Так произошло, например, с бывшим народным депутатом СССР, представителем Президента в Ростовской области в 1991–1995 гг. В.Н.Зубковым, затем с С.М.Шахраем, а в последние годы – с экс-председателем облсовета, ныне лидером областной организации КПРФ Л.А.Иванченко.

Вечерний Ростов, 1997.

⁷Тищенко, 1995: 83.

Ростовская область – «белое пятно на красном поясе России». На Дону, в отличие от всех окружающих его русских регионов, не победили коммунисты. Отчасти это объясняется географическими факторами. По мнению многих регионолистов, Южный регион развивается и будет развиваться по оси «Ростов – Краснодар»⁷, что предполагает высокий уровень конкуренции между Доном и Кубанью и, соответственно, разнонаправленность политических ориентаций донской и кубанской элит. Другой существенный фактор – город Ростов-на-Дону с его устойчиво реформаторской ориентацией. Такого крупного центра, где бы проживала четверть населения области, в регионах «красного пояса» нет. И, наконец, не последнюю роль играет личностный фактор. Ростовская административная элита консолидирована вокруг губернатора В.Ф.Чуба, находящегося в постоянной конфронтации с лидером левой оппозиции Л.А.Иванченко, так что победа коммунистов имела бы для нее катастрофические последствия.

Анализируя электоральный опыт Ростовской области, стоит вывести за рамки исследования первый, «романтический», период. Выборы народных депутатов СССР и РСФСР, референдум о сохранении СССР 1990 г., первые президентские выборы 1991 г. и апрельский референдум 1993 г. проходили в иной политической реальности. Начать рассмотрение имеет смысл с первой кампании, которая велась почти технологично, – с выборов и референдума 12 декабря 1993 г.

За период с конца 1993 по 1998 г. в Ростовской области прошло 6 избирательных кампаний, затронувших весь регион. Три из них были частью общенациональных кампаний (уже упоминавшиеся выборы Совета Федерации и Государственной думы первого созыва и проходивший одновременно референдум по проекту Конституции России; выборы депутатов Государственной думы второго созыва 1995 г. и президентские выборы 1996 г.), другие три имели чисто региональный характер. В марте 1994 г. состоялись выборы в Законодательное Собрание области, а также в Думы нескольких городов (в том числе Ростова), в сентябре 1996 г. – губернаторские выборы и, наконец, в марте 1998 г. – выборы в Законодательного Собрания области второго созыва.

Кроме того, с декабря 1996 по июнь 1997 г. в городах и районах области проходили выборы глав администраций и представительных органов местного самоуправления. В Ростове-на-Дону, в отличие от большинства муниципальных образований области, эти выборы были разведены во времени. Мэр Ростова был избран 22 декабря 1996 г., а Ростовская городская дума – 1 июня 1997 г. Последние выборы были совмещены с выборами мэра Батайска и довыборами депутата Государственной думы по 145 избирательному округу, находящемуся на территории Ростова, Батайска и Аксайского района.

Мне довелось принимать деятельное участие во всех названных кампаниях – в качестве пресс-секретаря, аналитика, политического консультанта, журналиста. Поэтому при написании этой статьи я опирался, главным образом, на личный опыт, материалы личного архива

и собственные публикации в газете «Вечерний Ростов». Кроме того, я использовал фактический материал, содержащийся в официальных документах областной избирательной комиссии, в газетных публикациях О.В.Бульбич («Вечерний Ростов», 1994-1995 гг.; «Крестьянин», 1996-1998 гг.; «Новая городская газета», 1997-1998 гг.), А.А.Мирошниченко («Город №», 1993-1998 гг.), П.Ю. Пономарева («Наше время», 1993-1994 гг.; «Комсомольская правда-на-Дону», 1995-1997 гг.), и в монографиях А.А.Мирошниченко⁸.

⁸ *Мирошниченко,
1994;
Мирошниченко,
1997.*

Общезональная кампания 1993 г. была исключительно скоротечной. Она была объявлена 22 сентября 1993 г., реальная подготовка к ней началась после известных московских событий 3-4 октября, а полномасштабная работа – после 14 ноября. Иными словами, активная кампания длилась всего месяц. И это при том, что ее основные участники до осени никак не готовились выборам и по большей части были совершенно неизвестны избирателям. Естественно, что практически все они оказались неподготовленными. «Партия власти» сосредоточилась на борьбе за избрание губернатора В.Ф.Чуба в Совет Федерации, лишь в последние дни кампании вспомнила о референдуме по Конституции и практически полностью выпустила из-под контроля выборы в Государственную думу. Если говорить о выборах по партийным спискам, то администрация так и не решила, ставить ли ей на проправительственный «Выбор России» Е.Т.Гайдара или на ПРЕС С.М.Шахрая. Что же касается одномандатных округов, то она не сумела найти «проходных» кандидатов, которые сочетали бы лояльность власти с какой бы то ни было электоральной привлекательностью. В ряде случаев это помогло левым кандидатам. Впрочем, поскольку левые тоже не были готовы к выборам, они далеко не всегда смогли воспользоваться открывшимися перед ними шансами.

Тем не менее, «на выходе» получилось, что область в целом проголосовала более оппозиционно, чем Россия в среднем. Зато большую лояльность и демократизм проявил город Ростов.

За Конституцию в Ростовской области проголосовали 51,5% избирателей (при явке в 57%), в Ростове – 60%. В среднем же по России проект основного закона поддержали 58,4% избирателей.

Депутатами Совета Федерации от Ростовской области стали губернатор В.Ф.Чуб (49%, причем в сельской местности он набрал 52,5%, в Ростове – 49%, а в других городах – 44,6%) и коммунистический лидер Л.А.Иванченко (34%). Второй кандидат от «партии власти» – председатель облсовета А.В. Попов – занял третье место (29%), а представитель Президента В.Н.Зубков (в то время демократ) – четвертое (26%).

Из партий и движений, участвовавших в «списочных» выборах, больше всего голосов на Дону, как и по всей России, получила ЛДПР (22%). Ростов подтвердил свою репутацию демократического центра, отдав 22% голосов «Выбору России», но по области ВР занял всего лишь третье место (12%). Второе место отошло к КПРФ, за которую

проголосовали 17% избирателей. Кроме «призовой тройки» 5-процентный барьер преодолели те же пять партий, что и в стране в целом, – Аграрная партия России, «Яблоко», «Женщины России», ДПР и ПРЕС.

В 1993 г. в Ростовской области было шесть одномандатных округов. В двух из них победили кандидаты, поддержанные администрацией: журналист А.Л.Амелина от «Выбора России» (144 Ростовский Первомайский округ) и беспартийный генерал Ю.Н.Родионов (146 Таганрогский округ), еще в двух – кандидаты от КПРФ: И.М.Братищев (145 Ростовский Советский округ) и И.М.Беспалов (147 Шахтинский округ) и в оставшихся двух – формально независимые кандидаты, которые сразу же примкнули к аграриям: С.А.Пономарев (142 Волгодонский округ) и Б.И.Данченко (143 Каменский округ).

К региональным выборам 1994 г. областная элита подготовилась куда более тщательно. Ей помогло то, что обессиленные думской кампанией 1993 г. партии пребывали в состоянии паралича и не сумели ни договориться с властями, ни организовать противостояние им. В кампании применялись технологические наработки декабрьских выборов 1993 г. (включая прямой плагиат у кандидатов-победителей). Но основные методы имели чисто административный характер, использовалась и откровенная фальсификация результатов голосования.

В кампании полностью провалилась ЛДПР, доказав свою непартийную, сугубо вождистскую природу. Претендовавшее на особую роль казачье движение также проиграло: всего два претендента, идентифицировавших себя с казачеством, смогли стать депутатами. Причем оба они опирались не только на казачество: предприниматель Г.Н.Недвигин, победивший в Новочеркасске, заручился поддержкой власти, а журналист Е.Н.Ткачев выиграл в Багаевском округе, используя прежде всего свой имидж журналиста-борца. Весьма скромными оказались и результаты донских демократов, объединившихся в блок «Выбор Дона» («Выбор России», «Яблоко» и ПРЕС). Этот блок получил только три депутатских места. В то же время успеха не добилась и левая оппозиция: коммунисты сумели победить тоже лишь в трех округах. Еще три избранных депутата не входили ни в какие партии, но и не были полностью лояльными власти: Л.К.Мазурок (Каменск), С.В.Миронов (Таганрог) и В.Н.Чередниченко (Шахты).

А вот «партия власти» взяла несомненный реванш за декабрь 1993 г., проведя 33 безусловно лояльных депутата. Надо отметить, что определяющим фактором выступала именно лояльность администрации, а политические взгляды играли второстепенную роль. Среди «истеблишментарных» депутатов были и левые, и правые, и центристы. Впрочем, партийная идентификация других депутатов тоже оказалась условной. Так, за время работы Законодательного собрания области один из трех коммунистов (В.И.Мокриков) перебрался из оппозиции во власть. Из трех «выбороссов» один (М.В.Емельянов) вскоре перешел в «Яблоко», а двое (Ю.М.Гусев и А.М.Рудас) примкнули к «партии власти».

Итоги мартовских выборов 1994 г. были уточнены в ноябре того же года, когда прошли довыборы в округах, где в марте они не состоялись из-за низкой явки. Довыборы показали, что в региональной политике появился новый влиятельный субъект, сочетающий оппозиционность по отношению к федеральной власти с лояльностью власти региональной, – «Яблоко». К тому времени к «Яблоку» примкнули М.В.Емельянов, С.В.Миронов и Л.К.Мазурок, а в ноябре был избран (именно как «яблочник») А.В.Ищенко.

Первой полноценно технологической кампанией стали парламентские выборы 17 декабря 1995 г. Подготовка основных участников к кампании началась еще весной. Выборы были рекордными по числу кандидатов (в 145 из 146 ростовских округов добивались выдвижения по 36 претендентов, причем половина из них была зарегистрирована). Активная кампания продолжалась свыше двух месяцев и отличалась особой интенсивностью. Характерно, что самостоятельно проводили кампанию не только местные структуры, но и отделения федеральных партий, действовавшие автономно по отношению к московским штабам. Гораздо большее количество кандидатов (в том числе и от «партии власти») делало ставку на протестные голоса.

Региональные власти на сей раз уделили выборам большее внимание, хотя не и не добились особых успехов. Кампания НДР велась массировано, но бестолково. Только в одном округе кандидат от «партии власти» добился уверенной и несомненной победы. А вот КПРФ провела кампанию пусть архаично по методам, но более организованно и целенаправленно. Высокий уровень организации и владения разнообразными технологиями показало «Яблоко», однако его деятельность практически полностью сосредоточилась в двух крупнейших городах области – в Ростове и Таганроге.

На выборы 17 декабря 1995 г. пришли 67,5% донских избирателей. Из них 27% отдали голоса КПРФ, 14,11% – «Яблоку» (в Ростове – 20%, в Таганроге – 22%) и 10,25% – ЛДПР. Кроме того, 5-процентный барьер в области преодолели КРО (6,25%), «Коммунисты – Трудовая Россия – за Советский Союз» (5,32%) и НДР (5,3%). Приблизились к 5-процентной отметке «Женщины России» (4,2%) и «Держава» (4,2%). ДВР набрал лишь 2,51% голосов, АПР – 2,08%.

В одномандатных округах, которых теперь стало семь, самую уверенную победу одержал лидер ростовского «Яблока» М.В.Емельянов, баллотировавшийся в 146 Ростовском округе (35,2% голосов). Более 30% голосов получил в 148 Шахтинском округе шахтерский лидер В.Д.Катальников, оттеснив на третье место прежнего депутата от этого округа, коммуниста И.М.Беспалова (14,7%). Из депутатов первого созыва в своем 144 Каменском округе победил только аграрий Б.И.Данченко (25,4%). Депутат И.М.Братишев переместился в новый 142 Белокалитвинский округ и был избран, набрав 26,7% голосов. В 143 Волгодонском округе депутат-аграрий С.А.Пономарев набрал 22,3% голосов и уступил беспартийной Т.И.Шубиной (27,5%). В 145

Пролетарском округе победителем стал кандидат областной администрации №1 С.М.Шахрай (27,9%). А в опустевшем за полгода до выборов 147 Таганрогском округе (Ю.Н. Родионов стал аудитором Счетной палаты) был избран кандидат от КПРФ Н.И.Борисенко (25%).

В отличие от парламентских выборов 1995 г., президентская кампания 1996 г. была в Ростовской области лишь отголоском федеральной. Работа областных штабов свелась к ретрансляции федеральных установок. Это, впрочем, оказалось полезным практически для всех политических субъектов, кроме «Яблока», неквалифицированное федеральное руководство которого лишь «уронило» престиж ростовских яблочников. В кампании участвовали представители московских центров политического консультирования (на Б.Н.Ельцина, в частности, работала фирма «Имидж-контакт»). Во время президентских выборов ростовские политики активно усваивали федеральный опыт.

Президентская кампания отчетливо продемонстрировала областной элите, что ей необходимо уделять больше внимания проведению федеральных выборов. Встряхнули власть итоги первого тура, в котором, при явке в 76%, Г.А.Зюганов опередил Б.Н.Ельцина (35% против 29%). Выше среднероссийских оказались в области и показатели А.И.Лебеда – 20%. Остальные кандидаты набрали примерно столько же, сколько в среднем по России (Г.А.Явлинский – 7,7%, В.В.Жириновский – 4,6%).

Такой результат заставил областное руководство действовать более решительно. В частности, после первого тура была активизирована коалиционная политика, что позволило добиться безусловной поддержки Б.Н.Ельцина сторонниками А.И.Лебеда, Г.А.Явлинского и С.Н.Федорова. Была проведена и полная мобилизация административных ресурсов. В итоге во втором туре при почти той же явке (73%) преимущество Г.А.Зюганова в области было сведено на нет. За лидера КПРФ проголосовали 44,17% избирателей, а за действующего Президента – 50,67%.

Уроки президентских выборов были в полной мере учтены властью во время губернаторской кампании. Она была очень короткой (сентябрь 1996 г.) и массивной. «Партия власти» не смогла провести кампанию полностью организованно и исключить хаос. Но этот недостаток был компенсирован масштабностью. Кампанию В.Ф.Чуба вели несколько независимых штабов. На губернатора работали практически все СМИ области. Политика и идеология были полностью выведены за скобки. Не слишком изящно, но, как уже говорилось, массивно в сознание избирателей внедрялся миф о В.Ф.Чубе как о деполитизированном хозяйственнике и хранителе консенсуса. Губернатора безоговорочно поддерживали все некоммунистические силы области. Были в полном объеме задействованы административные рычаги, причем без откровенных нарушений закона и фальсификаций.

Коммунисты, выдвинувшие кандидатуру Л.А.Иванченко, тоже извлекли некоторые уроки из прежних выборов. Они постарались

технологически разнообразить кампанию, дополнив традиционный агитпроп методами рекламы и PR. Предпринималась попытка минимизировать идеологическую составляющую (лидер коммунистов выдвигался как «кандидат от народа»). Но избежать партийной риторики и избыточной оппозиционности не удалось, что было с успехом использовано штабом В.Ф.Чуба. Кроме того, коммунистам, как ни странно, не хватило организованности. В частности, они не сумели в достаточной мере проконтролировать ход выборов и учесть появившиеся нетрадиционные рычаги административного воздействия.

В результате В.Ф.Чуб победил с двойным перевесом: 62,15% голосов против 31,6% у Л.А.Иванченко (при явке в 44,4%). Еще 1,61% избирателей проголосовали за подставного кандидата И.Ф.Пятикова и 2,84% – против всех. Коммунисты пытались оспорить результаты выборов в суде, но безуспешно. Главными политическими итогами губернаторских выборов в области стали большая конфронтация власти и оппозиции и упрочение региональной двухпартийности при постоянном вспомогательном участии неких третьих сил. Тем самым Ростовская область подтвердила правильность заключения, к которому я пришел после выборов 1996 г.: «Опыт развития публичной политики в России свидетельствует, что в нашей стране складывание двухпартийной системы проходит по трехпартийному пути... Незрелость гражданского общества и глубокий экономический кризис обуславливают затяжную нестабильность системы, что создает питательную среду для постоянного воспроизведения в ней различных вариантов «третьей силы»⁹.

⁹ *Постигшие
политики, 1997: 89.*

С декабря 1996 г. по июнь 1997 г. в Ростовской области проходили выборы органов местного самоуправления. Первая и самая мощная из местных кампаний, во многом повторившая губернаторскую, состоялась в Ростове осенью 1996 г. (выборы мэра города). Как и в губернаторской кампании, действующий мэр был поддержан широчайшей коалицией, мобилизовал все административные ресурсы и средства массовой информации, привлек московских консультантов (из фонда «Политика»). В отличие от губернатора, мэр Ростова М.А.Чернышев не имел сильных конкурентов (коммунисты своего кандидата не выставляли) и набрал 78,4% голосов. Аналогичным образом развивались события в Таганроге, Красном Сулине, Цимлянском районе и в некоторых других местах, где действующие главы администраций получили по 75–85% голосов.

В целом же по области итоги выборов глав исполнительной власти зависели от степени консолидации локальных элит. При высоком уровне консолидации элиты инкумбентам удавалось (правда, с большим трудом) сохранить посты даже при наличии сильного местного конкурента (В.М.Певневу – в Азове, Н.И.Присяжнюку – в Новочеркасске, В.В.Щербине – в Белой Калитве и др.). Если же местная власть не была консолидирована, то результат был непредсказуем. Побеждали либо альтернативные лидеры местной элиты (И.В.Горбу-

нов – в Волгодонске), либо кандидаты КПРФ (В.А.Коломейцев – в Батайске), либо случайные лица (С.А.Пономаренко – в Шахтах). Исключением явилась кампания в Тацинском районе, где баллотировался кандидат от ЛДПР С.А.Малышкин и кампанию вел лично В.В.Жириновский. Агитационный эффект от визита лидера ЛДПР при непротивлении со стороны региональной власти обеспечил С.А.Малышкину уверенную победу.

Особое место в цепи местных кампаний заняли выборы в Городскую думу Ростова, совпавшие с выборами Думы и мэра Батайска и досрочными выборами депутата Государственной думы по 145 округу, расположенному, как уже говорилось, в Ростове, Батайске и Аксайском районе (С.М.Шахрай стал представителем президента в Конституционном суде). В ходе этих выборов, продемонстрировавших возросшее значение партийного и идеологического факторов, а также расширение протестного электората, наибольших успехов добились КПРФ и «Яблоко». Депутат Законодательного Собрания от КПРФ Н.В.Коломейцев, набрав 40% голосов, победил кандидата НДР и областной администрации, бывшего министра труда России Г.Г.Меликьяна (21%). Его коллега по Законодательному Собранию, сопартиец и однофамилец В.А.Коломейцев стал мэром Батайска. Коммунисты получили большинство в Городской думе Батайска и три места в Думе Ростова. В свою очередь «Яблоко» удачно провело кампанию в Ростове, где его кандидаты победили в 7 округах из 21.

Последняя избирательная кампания проходила в Ростовской области весной 1998 г. (выборы в областное Законодательное Собрание). Она была более конфронтационной, чем все предыдущие, но не партийной. Главными фаворитами выборов стали лояльные региональной власти «крепкие хозяйственники», в итоге получившие 30 мест из 45. Второй по популярности категорией оказались кандидаты, строившие свои кампании на жесткой оппозиции власти. На протестном голосовании добились успеха 9 коммунистов и 2 шахтерских активиста. Хуже сложились дела у «Яблока», которое не сумело найти свою нишу и в результате провело лишь трех кандидатов.

Областные выборы показали, что принятие закона «Об основных гарантиях избирательных прав граждан» расширило возможности региональных властей корректировать выборы с помощью юридических рычагов. В ходе кампании по формально-юридическим причинам не были зарегистрированы многие кандидаты, а троих «сняли с дистанции» незадолго до выборов. В двух округах результаты выборов были оспорены через суд.

* * *

Опыт рассмотренных выше кампаний позволяет зонировать область по политическим ориентациям населения и типу используемых технологий. В Ростовской области насчитывается пять четко выраженных зон.

1. Город Ростов-на-Дону. Здесь кампании наиболее политизированы и разнообразны технологически. Значительную роль в ходе кампаний играют средства массовой информации. Административные ресурсы используются наиболее аккуратно. Велико значение юридических механизмов. Политически Ростов всегда был оплотом демократов, однако в 1998 г. избиратели города заметно повели.

2. Города Таганрог, Новочеркасск и Волгодонск. В основных чертах избирательные кампании в этих городах похожи на ростовские, но более примитивны с точки зрения как технологий, так и методов административного воздействия. Удельные веса реформаторско-лоялистского и оппозиционного электората примерно равны между собой.

3. Шахтерские территории (запад области). Здесь безусловно доминируют протестные настроения. При этом влияние партий крайне невелико. Электорат очень восприимчив к популизму, охотно поддерживает оппозиционных харизматических лидеров типа В.В.Жириновского или А.И.Лебеда.

4. Малые города (Азов, Каменск, Сальск и др.). Оплот левых. Избиратели легко поддаются традиционному коммунистическому «агитпропу» и плохо воспринимают авангардные методы ведения избирательных кампаний. Доминируют протестные настроения, успешно утилизируемые левыми партиями (прежде всего – КПРФ).

5. Сельская местность. Сельские избиратели легче всего поддаются административной манипуляции. Несмотря на преимущественно левые политические ориентации, сельчане охотнее других голосуют за кандидатов-начальников. Консерватизм восприятия здесь еще выше, чем в малых городах, а уровень информированности – еще ниже.

Помимо зонирования области, приведенные данные позволяют также типологизировать кандидатов и их кампании. Кандидаты на различные выборные должности в Ростовской области распадаются на две неравные группы: партийную и внепартийную. К партийным я отношу далеко не всех кандидатов, имеющих партийное членство либо выдвинутых какой-либо партией, а только тех, кто проводит партийные кампании. Таких кандидатов явное меньшинство

Отличительные черты *партийных* кампаний – акцент на идеологической составляющей и сокрытие личности кандидата под партийным «лейблом». Довольно примитивны технологически, эти кампании наиболее эффективны в малых городах. Впрочем, в периоды политических обострений партийные кандидаты имеют успех и в других зонах. Партийные кампании дешевле прочих, хотя во многом уязвимее: авторитет политических партий невысок, а общественные настроения быстро меняются.

Партийные кампании характерны практически для всех кандидатов от КПРФ (исключение – губернаторская кампания Л.А.Иванченко). Из некоммунистических кандидатов подобные кампании про-

водят многие «яблочники» (именно такими были кампании пяти из семи победителей-«яблочников» на местных выборах 1997 г.). На федеральных выборах есть только один пример успешной некоммунистической партийной кампании – А.Л. Амелиной в 1993 г.

Из кандидатов, акцентирующих не партию, а личность, ближе всего к партийцам – аутсайдеры. *Аутсайдерские* кампании строятся на эксплуатации протестных настроений, но без партийной привязки. Они наиболее рискованны, поскольку вызывают противодействие со стороны как властей, так и оппозиции. Проведение такого типа кампании требует от кандидата некой «харизмы», а также серьезных организационных усилий, направленных на пресечение противодействия элиты и возможных фальсификаций. Аутсайдерские кампании редко бывают выигрышными. По уровню затрат они могут быть либо очень дорогими, либо крайне дешевыми – в зависимости от того, насколько созданный кандидатом-аутсайдером имидж соответствует ожиданиям протестного избирателя. Причем дешевые аутсайдерские кампании, как правило, эффективнее: богатый бунтарь выглядит не слишком убедительно.

Типично аутсайдерские кампании вели М.В.Емельянов на выборах в Законодательное Собрание в марте 1994 г. и В.Д.Катальников на выборах в Государственную думу в 1995 г.

Антипод кампаний партийного и аутсайдерского типов – *начальственные* кампании. В этом случае на избрание кандидата работает вся властная вертикаль, и методы административной манипуляции становятся основными. На ранних стадиях отсекаются опасные конкуренты. Кроме того, мобилизуются все доступные информационные каналы, ведется массивная рекламная кампания. Начальственная кампания не требует слишком больших финансовых расходов, поскольку многие ресурсы привлекаются путем «неэкономического принуждения». Полноценные начальственные кампании в Ростовской области никогда не были проигрышными, но круг кандидатов, способных вести такие кампании, крайне ограничен.

Примерами начальственных кампаний могут служить кампании В.Ф.Чуба на выборах в Совет Федерации в 1993 г. и на губернаторских выборах 1996 г., С.М.Шахрая на думских выборах 1995 г. и М.А.Чернышева на выборах мэра Ростова в 1996 г. Обязательное условие для кандидата-начальника – высокий статус, возможность прямого административного воздействия на властные структуры.

Близка к начальственной, но требует большего «жанрового» разнообразия *инсайдерская* кампания. Она ведется при частичной поддержке или благожелательном нейтралитете власти с акцентом на личных качествах кандидата. При этом необходимы мобилизация значительных финансовых ресурсов, использование разнообразных технологий и организационная работа. Важным вспомогательным фактором может быть партийная поддержка. Инсайдерские кампании всегда дорого стоят.

Такие кампании вели А.В.Ищенко (довыборы в Законодательное Собрание в ноябре 1994 г.), М.В.Емельянов (выборы в Государственную думу в 1995 г.), И.И.Саввиди (выборы в Законодательное Собрание в 1998 г.) и др. Они наиболее насыщены, интересны и, как правило, результативны. Самое главное для кандидата-инсайдера – не перепутать себя с начальником и не возлагать чрезмерных надежд на административные ресурсы.

Предложенная типология избирательных кампаний, разумеется, весьма условна – впрочем, как и любая другая. Тем не менее, даже при беглом знакомстве с новейшей политической историей Ростовской области видно, что она не чисто умозрительна. Тип политической кампании диктует определенный алгоритм поведения кандидата и его команды. Скажем, кандидату-аутсайдеру не следует рассчитывать на поддержку или даже благожелательное отношение власти. Если он попытается вести себя как инсайдер, то не мобилизует протестно настроенных избирателей, оставаясь при этом крайне уязвимым для административного противодействия. Опыт такого рода проделал предприниматель А.Н.Олейников на областных выборах 1998 г. и в результате остался третьим, несмотря на самую затратную кампанию.

Поскольку политические процессы в Ростовской области, как уже говорилось, во многом соответствуют общероссийским, можно предположить, что подобная типология применима и к другим регионам, и к стране в целом. Это, в частности, подтверждается стилистикой поведения основных претендентов на президентский пост. Так, Г.А.Зюганов явно выстраивает партийную кампанию, Ю.М.Лужков – начальственную, А.И.Лебедь – аутсайдерскую, Г.А.Явлинский – инсайдерскую. Не факт, что все они правильно определили для себя модель политического поведения. Но то, что такое моделирование происходит (стихийно?), показывает: в любой выборной кампании важно сразу определить – «по Сеньке ли шапка» и правильно ли эта шапка надета. То есть, адекватно ли самоопределился кандидат и соответствует ли его методы типу избирательной кампании.

На мой взгляд, это имеет не только «технологическое», но и этическое значение. В связи с растущим разочарованием в демократии и реформах в современной России широко распространилось убеждение, что политика и мораль несовместимы. Во многом такая точка зрения обусловлена самой природой демократической политической системы. Как пишет ростовский историк-культуролог А.В.Корневский, «доведенный до крайности антропологический скепсис, лежащий в основе концепции разделения властей, невольно приучает общество к мысли, что политика – грязное дело и непорядочность – естественное качество политика». И тот же исследователь замечает: «Но разве здравый смысл не подсказывает, что нельзя поручать грязное дело грязным людям, как нельзя доверить скальпель хирурга некрофилу или садисту?»¹⁰.

Осознание политиком своей принадлежности к определенному типу не только помогает ему ориентироваться в конкретной избирательной кампании, но и диктует определенные рамки, «кодекс поведения». Конечно, такие рамки далеки от идеалов высокой нравственности. Но они делают поведение политика более ответственным, т.е. моральным, если принять известный тезис М.Вебера об «этике ответственности» как о необходимой основе общественно полезной политической деятельности.

Библиография

Вечерний Ростов, 1997. *Вечерний Ростов*, 6.02.

Гельман, В.Я. 1996. «Становление региональных политических режимов в России». *Независимая газета*, 19.09.

Мирошниченко, А.А. 1994. *Общественно-политическая жизнь Ростова-на-Дону в 1991–1994 годах. Взгляд из «Города N»*. Ростов-на-Дону.

Мирошниченко, А.А. 1997. *Ростов-на-выборах. Политический дневник 96-го*. Ростов-на-Дону.

Постижение политики, 1997. *Постижение политики: политическая реальность в историческом контексте*. Ростов-на-Дону.

Тищенко, О.А. 1995. «'Регион' как элемент политического программирования». В: *Основные проблемы становления и развития системы местного самоуправления в городах АГЮР*. Научно-практическая конференция. Ростов-на-Дону.

Sapere Aude, 1996. *Sapere Aude*, № 2.